

ШАРЛАТАН

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

ОБ ОПАСНЕЙШЕМ ИЗ МОШЕННИКОВ
АМЕРИКИ И О ВЕКЕ ЖУЛИКОВ

ПОУП БРОК

True Crime (ACT)

Поуп Брок

Шарлатан

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Брок П.

Шарлатан / П. Брок — «Издательство АСТ», 2008 — (True Crime (АСТ))

ISBN 978-5-17-107000-7

В 1917 году Джон Р. Бринкли прибыл в крошечный городок Милфорд, штат Канзас. Здесь он открыл медицинскую практику и представил диковинный метод восстановления угасающей мужской силы – с использованием козлиных желез. Тысячи клиентов быстро превратили «доктора» в самого богатого и знаменитого хирурга Америки. Его слава привлекла внимание другого великого шарлатана – Морриса Фишбейна, который поклялся выбросить из бизнеса «самого дерзкого и опасного» мошенника страны. Но все его усилия, казалось, только подстегивали Бринкли к новым вершинам – он занялся радиовещанием и политикой, причем его методы предвыборной агитации используются до сих пор. Чем закончилась их игра в «кошки-мышки»? И был ли на самом деле Бринкли изобретательным шарлатаном, искалечившим сотни пациентов, или медиком-экспериментатором, как профессор Преображенский из булгаковского «Собачьего сердца»? В этой книге Поуп Брок раскрывает тайны одной из самых громких афер в истории Америки.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-107000-7

© Брок П., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Поуп Брок Шарлатан

Pope Brock
CHARLATAN

© Pope Brock, 2008

© Перевод. Е. Осенева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Моим дочерям Молли и Ханне

*Истина, сэр, подобна корове. Есть те, кому она отказывает в
молоке, – так они норовят подоить быка.*
Сэмюел Джонсон

Пролог

Под ножом, под обстрелом 15 сентября 1930

На демонстрацию прибыли все члены комиссии, кроме тех, что ехали на машине из Канзас-Сити – их задержала плохая дорога. Было почти одиннадцать, когда они наконец добрались до Милфорда – неприметного городка на берегах реки Репабликан, замечательного разве что выдающейся величины зданием почты.

На подъезде к клинике шофер занялся поиском прохладного места для парковки. Но таких мест не оказалось: то лето в Канзасе было самым жарким из всех со времен начала наблюдений. Вместо обычной картины густых зарослей кукурузы на мили окрест простиралась лишь растрескавшаяся, утыканная сухими стеблями земля – пустынная, если не считать редких и тощих, как тростинки, тополей. Скелет радиобашни ложился на голую землю тенями переплетов, и эти тени казались на ней точно нарисованными.

Хлопнула внутренняя дверь, и к прибывшим вышла с приветствиями пара сотрудников. В конференц-зале их уже ждали коллеги и, что было отраднее, лимонад.

Вскоре председатель Медицинского совета штата Канзас доктор Дж. Хассиг вместе с коллегами и репортерами, всего более двадцати человек, поднялись по узкой лестнице на второй этаж. Вел группу Горациус Дуайт Осборн, правая рука руководителя клиники и воплощение, как казалось, собачьей преданности, ибо голову он неизменно наклонял только в одну сторону – правда, потому, что на другое ухо был глух.

Толпа двигалась по коридору. Когда доктора заглядывали в палаты, на их лицах отражалось сдержанное удивление. Может быть, зависть? (По свидетельству репортера, обстановка «по современности оборудования, удобству и роскоши превосходила те условия, в которых они привыкли работать у себя дома».) Шестнадцать отдельных палат были не похожи одна на другую: каждую украшали пухлый диван, жизнеутверждающие произведения искусства и разного рода безделушки, в чем, несомненно, проявился вкус миссис Бринкли. Из радиорепродукторов на тумбочках неслись мелодии кантри. Одним словом, гости наблюдали исключительный союз привлекательности и исцеляющего искусства. А то, что к тому времени прославленный врач Джон Р. Бринкли, доктор медицины, доктор философии, доктор естественных наук, член конгресса штата и прочее, выбрал в качестве медицинской мекки столь маленький городок, как Милфорд, делало атмосферу клиники еще душевнее.

Закончив осмотр клиники, группа вернулась на первый этаж, где задумчиво созерцала экспонаты так называемой комнаты трофеев, в которой доктор выставил часть анатомических редкостей из своего собрания.

Затем кто-то увидел в окно хозяина клиники: Столп Человечности, как прозвали его китайцы, направлялся к зданию. Быстрый, небольшого роста, с рыжеватой вандейковской бородкой, доктор Бринкли был в полном облачении и шапочке хирурга. Маску он держал в руке.

В холле нижнего этажа доктор обменялся рукопожатиями с некоторыми из гостей. Он казался совершенно спокойным – недоступное никакому давлению вместилище научной мысли. Конечно, он проводил свою знаменитую процедуру сотни раз, но никогда прежде перед такой выдающейся аудиторией.

Еще одно рукопожатие, приветственные и благодарные взмахи руки остальным, и доктор скрылся в операционной. Ассистент раздал стерильные халаты. Когда последняя тесемка была завязана, другой помощник распахнул дверь:

– Пожалуйста, сюда, джентльмены!

Началась толкотня. Двенадцать членов Медицинского совета штата плюс четверо хирургов-наблюдателей и, конечно, пресса – эти неотесанные, лишённые всяких представлений о

манерах маргиналы – разом пытались протиснуться в зал, вместе с тем оставив достаточно места и для сотрудников Бринкли, и для человека на операционном столе, которого Бринкли тут же и представил собравшимся:

– Это мистер Икс.

Поднялся невнятный гул приветствий. Мистер Икс, в котором признали пятидесятипятiletнего местного почтальона, улыбался, но хранил молчание.

По знаку своего мужа миссис Бринкли, дама в очках и трапециевидном медицинском чепце, выступила вперед и сделала пациенту местную анестезию, дважды уколов его спину пониже талии. Другие ассистенты налаживали свет – крутили и направляли расположенные зонтиком над операционным столом лампы до тех пор, пока доктор не остался доволен результатом.

Затем помощник привел из подвала козла.

Почему этот козел находился в подвале, так и осталось без объяснений. Обычно животные содержались здесь в загонках на свежем воздухе, даже сейчас через открытое окно доносилось бляение. Впрочем, значения это обстоятельство не имело, важно было лишь то, что именно этот трех-четырёхнедельный козлик являлся личным выбором мистера Икс.

Дрожащее животное поставили на дополнительный столик – копытца козлика выбивали дробь. Миссис Бринкли придвинула стул и села у столика. Кончиками пальцев, только что обработанных антисептиком, она касалась разложенных на подносе блестящих инструментов. Рядом стояла медицинская сестра с ворохом марли.

Ассистент удерживал голову козла, в то время как жена доктора обрабатывала ртутнохромом нижнюю часть козлиного брюха. А затем она взяла в руки маленькие ножнички.

По свидетельству кого-то из присутствующих, «по коридорам всего здания звенело громкое козлиное бляение».

Медсестра протянула руки, и миссис Бринкли передала ей одно за другим яички козла. К тому времени как доктор закончил надевать резиновые перчатки, тестикулы козла, лежащие на сверкающей стали подноса, уже находились возле него.

Пациент лежал, слабо привязанный ремнями к операционному столу. Доктор Бринкли придирчиво осмотрел оба яичка, а затем натянул маску и приступил к работе.

«Никто из присутствовавших на этой необычайнейшей из показательных операций по ее окончании не мог бы усомниться в том, что [Бринкли] обладает изрядным запасом хладнокровия», – писала «Канзас-Сити джорнал пост».

Кроме доктора Бринкли, возле самого стола находились доктора Нессельроде, Эджертон, Орт и Карр, четверо «официальных наблюдателей», задача которых заключалась в научно обоснованном докладе об увиденном. Мистер Бринкли, однако, позаботился и о том, чтобы все происходящее было хорошо видно каждому из присутствующих, и не забывал время от времени отрываться от работы, чтобы пояснить тот или иной шаг в операции, которую он определил как четырехступенчатую. Доктор Хассиг, дотошно записавший все манипуляции, указывает, что «сперва доктором были сделаны два разреза, через которые с помощью шприца он впрыснул пациенту примерно по два кубика полупроцентного раствора ртутихрома», после чего в «свободно висевшую ткань» были имплантированы и вшиты новенькие молодые козлиные тестикулы.

Вся процедура была рассчитана на десять минут. Через пятнадцать минут присутствующие стали переглядываться. Доктор Бринкли прекратил объяснения и сосредоточился на работе. Двадцать минут, тридцать... Хотя доктор и не выказывал признаков тревоги, но некоторые из наблюдавших почувствовали, как в виски им ударяет ужас при одном только смутном подозрении, что, может, пациент этот... Не следует ли вмешаться? Несомненно, ощущая некоторую неловкость, доктор на секунду приостановился, стянул с лица маску и одарил присутствующих ободряющей улыбкой.

Прошло добрых сорок пять минут, прежде чем доктор сделал последний стежок кетгутового шва и отошел от стола. Мистер Икс, немного качаясь, сел с помощью сестры и неловко свесил ноги со стола; его повело вправо, но ему помогли, и он, сделав несколько глубоких вдохов, полз со стола и с достоинством крепко выпившего покинул помещение.

Доктор Бринкли снял маску. Объявив операцию успешной, он откровенно признался в случившихся по ходу дела неожиданных осложнениях и, не сказав об этом прямо, все же дал понять, что эти осложнения стали для него счастливым поводом продемонстрировать не только свое мастерство, но и находчивость, в других обстоятельствах так и оставшуюся бы не востребованной. «Если у кого-либо из вас, джентльмены, имеются пациенты, которые, как вы чувствуете, нуждаются в подобного рода манипуляции, – любезно заключил он, – мы будем рады произвести ее здесь».

Члены Медицинского совета штата Канзас поблагодарили его и попрощались, отправившись подкрепиться в «Бартел-Хаус», привокзальное заведение, находившееся неподалеку.

Спустя двое суток они единодушно отозвали лицензию доктора, лишив его возможности практиковать «ввиду грубой безнравственности и непрофессионализма его действий». Верховный суд Канзаса отклонил его апелляцию, нелестно охарактеризовав его как «пренебрегающего устоями эмпирика, чья практика находится вне зоны морали, что является весьма характерным для всякого рода самозванцев. Лицензиат преуспел в шарлатанстве, далеко превосходящем обычное мошенничество».

Надгробное слово произнесли в «Канзас-Сити стар»: «Супершарлатан из Милфорда потерпел крах».

Доверившись ему, люди трагическим образом оказались обмануты.

Глава 1

В годы, предшествующие Первой мировой войне, братья Райнхардт, Уиллис и Уоллес, владели целым рядом процветающих анатомических музеев – Лондонским медицинским институтом, Медицинским институтом Парижа, Гейдельберга, Копенгагена и прочими. Базируясь в Де-Мойне, Форт-Уэйне, Ист-Сент-Луисе и других городках Среднего Запада, эти предприятия занимались документированием и лечением «интимных мужских недугов». Большинство из них имело впечатляющие уличные витрины, экспонаты в которых, выставленные Райнхардтами, служили поводом для обсуждений их деятельности. Самый знаменитый экспонат, привезенный из Миннеаполиса, носил название «Умиравший Кастер¹».

На этой роскошной трехмерной панораме он лежал, как святой Себастьян: его тело щетинилось стрелами, пронзившими его во всех направлениях. Краснокожие, трупы и грифы из гипса делали картину более зрелищной, но что заставляло прохожих толпиться возле витрины и буквально замирать перед ней на несколько минут – это медленное ритмичное дыхание Кастера. Люди смотрели до тех пор, пока и сами – что было неизбежно – не начинали дышать в унисон с героем панорамы. Хотя связь Кастера с проблемой импотенции могла быть лишь условно-метафорической, но у наиболее обеспокоенной части населения смысл изображения находил отклик: сила утрачена, юность прошла, но не все потеряно, выход еще есть. В этом здании даже индеец Желтые Волосы² может обрести надежду.

Смесь ужаса с надеждой продавалась хорошо. Витрина в Гэри, Индиана – ее Райнхардтам оформил тот же прозорливый художник по интерьерам мсье Бруйяр, – представляла собой диораму с фигурами доктора и медсестры, занятых спасением младенца, родившегося от отца-сифилитика. Задействован был и пыхтящий аппарат искусственного дыхания. Но одни только экспонаты, как бы искусно они ни были выполнены, не позволили бы близнецам Райнхардтам занять лидирующее положение в избранной ими области. Из своего штаба – Венского медицинского института, расположенного в Чикаго, – братья, управляя тремя дюжинами франшиз, добились стандартизации, четкости и контроля, намного опережавших эпоху. Взять хотя бы обучение персонала: никто из работавших на Райнхардтов не избежал прохождения краткосрочных медицинских курсов в филиале по месту жительства. Далее каждый из дипломированных рекрутов направлялся в Гэри, где получал белый халат, совет отрастить вандейковскую бородку и навык убедительной профессиональной скороговорки на манер речитатива из комических опер Гилберта и Салливана. И лишь после этого его допускали до реальных клиентов. Служа гидами выставки, агенты должны были, как предполагалось, заарканить двадцать процентов всех потенциальных клиентов – то есть восьмерых из в среднем сорока ежедневных посетителей. Не удалось – ищи другую работу. Управляющий каждого института был обязан ежедневно отправлять в штаб финансовый отчет в трех экземплярах.

Вход в каждый из институтов был бесплатным. В отличие от сока абба-дабба. Бутылки с этим сомнительным напитком продавались на выходе; легендарный эликсир гарантированно успокаивал, стимулировал, наполнял, восстанавливал, возвращал, обострял и оттачивал, а в целом – заставлял «увядающую ветвь возродиться и вновь зазеленеть». Одновременно выливающая и/или – в зависимости от нужд клиента – предупреждая заражение триппером. Что было в нем? Что было в каждом из них? Что было намешано в «укрепляющее доктора Рафаэля», первое американское лекарство от мужского бессилия, появившееся еще в 1850-е годы и при-

¹ Имеется в виду Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – офицер американской армии, погибший в битве с индейцами сиу. –Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

² История гласит, что после поражения Кастера во время одной из последующих битв его скаут, Буффало Билл, снял скальп с поверженного индейца по прозвищу Желтые Волосы со словами: «Это первый скальп за Кастера!» –Примеч. ред.

готовленное «по рецепту арабских придворных лекарей и улучшенное согласно чудодейственным рекомендациям современных астрологов»? Что входило в состав «Baume de Vie, Живительного бальзама, Эликсира обновления, Сиропа жизни» от Антонии Беллу? Что принимали пациенты, глотавшие «Последний шедевр алхимии» Джона Кейса или сотни подобных «достижений», популярных во всем мире и во все века до рассвета времени? Кстати, можно взять на заметку, что тоник Райнхардтов состоял из трех компонентов: алкоголя, сахара и капли «Aqua Missouriianas», воды Миссури, или ее аналога *quantitat sufficiat*, хотя к чему этот педантизм!

Как бы то ни было, Райнхардты имели конкурентов. Появлялись независимые предприятия, действующие теми же приемами и выходящие на охоту в сумерках. Например, доктор Берке из Ноксвилла, Теннесси, который в 1907 году начал с маленького магазина. Помогал ему ассистент доктор Джон Бринкли.

Бринкли был тогда двадцатидвухлетним юнцом приятной наружности. Именоваться доктором он мог, строго говоря, с большой натяжкой, однако если вид белого халата способен ободрить человека и внушить ему доверие, значит, дело уже сдвинулось и, так или иначе, процесс оздоровления запущен. Хотя Бринкли, по правде, являлся всего лишь агентом, работавшим на комиссионных.

Бринкли вглядывался в потенциального клиента, оценивая перспективу, а затем не слишком поспешно появлялся возле его локтя. Молодой доктор болтал напропалую, похохатывал, проявлял участливость; он проводил экскурсию, показывая посетителю экспонаты. Затем он приступал к главному – демонстрировал последовательный ряд изображений, наглядно показывавший, что постепенно происходит с половым органом мужчины-сифилитика. Изображения говорили сами за себя: разглядывая витрины, где были представлены стадии болезни, посетитель мог видеть, как видоизменяется мужской орган по цвету и конфигурации. Не исключено, что агентом упоминалась и проказа – для сравнения.

А напоследок посетителя знакомили с Приятелем. Он был известен под этим именем всем сотрудникам «анатомических театров системы бесплатного образования», достойных этого звания. Эта сцена проигрывалась бесчисленное множество раз: в то время как агент отступал на задний план или же наклонялся, чтобы завязать шнурок, посетитель оказывался перед застекленной громадиной прямоугольной формы. Внутри было темно. Жертва опасно, возможно, оглядываясь на своего гида, приближалась к экспонату, силясь разглядеть, что там. И тут вдруг вспыхивал яркий свет, и перед самым его носом оказывалось по-идиотски ухмыляющееся желтое восковое лицо. Зрелище пугающее, а сопроводительная надпись пугала еще больше: **ПОЛНАЯ УТРАТА МУЖСКОЙ СИЛЫ.**

Посетителя пронзало сознание, что видит он не просто безобразное лицо со слезящимися желтыми глазами. Нет, он заглядывал в свое будущее. И видел там себя.

После такого венерического театра кабуки, представления того, что на жаргоне шарлатанов именовалось «убедительным аргументом», остальное проходило как по маслу. Бринкли провожал несчастного грешника к Берке и знакомил их. Берке давал пациенту краткую консультацию на месте («Испытываете ли вы подчас жажду? Чувствуете ли иногда усталость?») – положительные ответы считались тревожными симптомами) и снабжал клиента бутылкой своего снадобья – не имеющего себе равных тоника, несомненно, способного спасти не только орган несчастного, но и его жизнь. Цена бутылки потрясала не меньше, чем явление Приятеля: стоила она от десяти до двадцати долларов, но какой здравомыслящий человек станет мелочиться перед лицом столь страшной угрозы? И вот уже клиент оказывается на улице, перед наглухо закрытой дверью с бутылкой не пойми чего в руке.

Насколько сильным было удовлетворение Бринкли в такие минуты – неизвестно. Даже самые отъявленные шарлатаны не могут подолгу наслаждаться обманом: когда обман является наркотиком, необходимо увеличивать дозу. А кроме того, коротать дни в двух паршивых комнатенках в компании грубо сделанного Приятеля порой могло казаться угнетающим.

Но с другой стороны, он мог и гордиться тем, что в свои юные годы сумел уже достаточно продвинуться. Родом он был из маленького городка Бета в Северной Каролине, затерянного где-то в Грейт-Смоки-Маунтинсе, недалеко от границы с Теннесси. Как и его соседи, он рос на маленькой ферме в холмах, на земле, рождавшей разве что скалы. Питался кашей и зеленью с огорода, носил зимой обувь из мешковины. Густые леса и крутые подъемы, бесконечные дожди, когда в долинах клубится туман, появление незнакомца событие столь редкое, как и зубы у курицы, – все это заставляет считать внешний большой мир чем-то нереальным, потому, родившись здесь, земляки Бринкли здесь и оставались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.